

Прогрессивные французские журналисты охотно представляли страницы своих газет представителям Валахии и Молдовы, помещали материалы, в которых резко критиковались правительство и правящие классы Дунайских княжеств. Передовые деятели французского общества приветствовали стремление молдаван и валахов к свободе и независимости. Молодые валахи и молдаване поддерживали контакты с прогрессивными французскими историками Э. Кине и Ж. Мишле в Париже. Французские власти беспокоило состояние умов румынских молодых людей, которые находились у них в стране.

Очень интересовалось этим и русское правительство. И те и другие опасались революционных взглядов учащейся молодежи. В данном случае настроения французских и русских официальных кругов совпадали.

По их мнению, румынские студенты объединились для изучения конституционных принципов и по возвращении на родину «будут стремиться к распространению принципов, которыми они руководствовались во время получения образования»¹⁴. Таким образом, румыно-французские культурные связи в рассматриваемый период успешно развивались.

В данной статье лишь кратко упоминается о некоторых интересных явлениях, свидетельствующих о многогранности этих связей. Но эти явления необходимо рассматривать в более широком контексте. Дальнейшее изучение материалов может помочь осуществлению этой задачи.

¹ См.: Iorga N. Istoria Romanilor. V. VIII. București, 1938. P. 367.

² См.: Eliade P. Histoire de L' esprit public en Roumanie au dix- neuvieme siecle, t. I. L'occupation turque et les premiers princes indigenes (1821–1828). Paris, 1905. P. 243.

³ См.: Ibid. P. 225.

⁴ См.: Eliade P. La Roumanie au XIXe siecle, t. II. Les trois presidents plenipotentiaires (1828–1834). Paris, 1914. P. 263–264.

⁵ См.: Breazu I. Școala Romania din Franta. Sibiu, 1930. P. 3.

⁶ См.: Eliade P. Opt. cit., t. II. P. 266.

⁷ См.: Blaga L. Gindirea romaneasca în Transilvania în secolui ai XVIII-lea. București, 1966. P. 129.

⁸ См.: Budai-Deleanu I. Scrieri lingvistice. Cluj, 1970. P. 163.

⁹ См.: Булгару М. Д. Московский университет и развитие общественно-политической мысли в Молдавии в первой половине XIX века // Вестник МГУ. Философия. 1980. № 1. С. 47.

¹⁰ См.: Istoria gindirii sociale și filosofice în Romania. București, 1964.

¹¹ См.: Cornea P., Pacurariu D. Curs de istoria literaturii romine. București, 1963. P. 186.

¹² См.: Filitti I. Principatele romane de la 1828 la 1834. Ocupatia ruseasca și Reguelamentul organic. București, 1934. P. 36.

¹³ См.: Massoff I. Teatrul Rominesc, V. I. București, 1961.

¹⁴ См.: АВПРФ. Консульство в Бухаресте. 1846. Д. 766. Л. 22–23 об.

И.И. ЯНУШЕВИЧ

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ И РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ 1922–1927 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ)

Лето 1922 г. знаменовало начало нового, более толерантного, но по сути имеющего прежнюю цель – полное уничтожение религии и церкви – этапа государственно-церковных взаимоотношений. Политическое руководство СССР, проведя в первой половине 1922 г. практически полное ограбление храмов, уничтожив подавляющее большинство священнослужителей и прихожан, оказавших открытое сопротивление изъятиям церковных ценностей, перешло к установлению тотальной регламентации церковной жизни и более жесткому контролю над духовенством и религиозными общинами. Единично управляющая государством партия стремилась максимально ограничить деятельность всех общественных союзов, объединений, не связанных с укреплением существующего режима. Не имелось никаких законодательных регламентаций их деятельности, что в условиях тяжелой внутрен-

ней и внешней обстановки вело к усилению небольшевистских "нэпмановских" сил. Наступление на своих идеологических врагов Кремль начал с введения ограничений на всякого рода съезды, собрания, конференции.

3 августа 1922 г. ВЦИК издает декрет "О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними". В Декрете регламентировались практически все аспекты деятельности общественных организаций. Безапелляционностью выделялся 6-й пункт декрета "О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов ...", в котором говорится: "В утверждении может быть отказано, если утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречит Конституции РСФСР и ее законам"¹. Общий надзор и решение спорных вопросов возлагались на НКВД, постановления которого были обязательны к исполнению без подтверждения ЦИК Белоруссии.

Существование любой организации, как известно, требует определенных средств для ее функционирования. Так называемые членские взносы в религиозных общинах не должны были носить регулярный характер. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – на отопление, охрану, поддержание чистоты и т. д. Религиозная община могла открывать счета в банках, заноса средства на имя отдельных граждан, т. к. церковь и ее организации декретом "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" были лишены прав юридического лица. Существенно сократить доходы религиозных общин должно было запрещение всяческих принудительных сборов на храмы. Лицам, уличенным в подобном деянии, согласно ЦК РСФСР грозили привлечением к принудительным работам сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Целью развернувшейся кампании было установление контроля властей за оппозиционными силами и максимальное сокращение численности их организаций, в частности религиозных общин. ВЦИК и СНК в Постановлении от 3 августа 1922 г. требовали регистрации в двухнедельный срок со времени опубликования Декрета в прессе: "Общества и союзы, не зарегистрированные в указанный срок, подлежали ликвидации"². Что касается религиозных общин, то этот срок был невыполнимым. Если в городе религиозным общинам представлялось возможным выполнить все требования по регистрации, то в сельской местности в условиях разбросанности большинства церквей, удаленности их от райцентров уложиться в такие сроки было весьма проблематично. Не последнее место, по словам одного из главнейших антирелигиозников страны Ем. Ярославского, занимал и вопрос денежного вознаграждения, когда за сохранение икон, крестов, иной церковной утвари, скорейшую регистрацию комиссары получали немалые взятки.

В январе–феврале 1923 г. в СНК Белоруссии поступали многочисленные жалобы от выборных приходов о нежелании ликвидационного отдела НКЮ регистрировать их общину. И главной причиной их опоздания с подготовкой документов указывалось отсутствие информации о решении ВЦИК от 10 августа 1922 г. Специального постановления СНК Белоруссии о продолжении приема документов от приходов не было. На межведомственном уровне было принято решение о продлении срока регистрации. Согласно Декрету ВЦИК от 10 августа 1922 г. для регистрации религиозной общины необходимо было составить опись имущества и заключить договор об аренде здания, а также предоставить устав, списки верующих, членов приходского совета и т. д. Опись имущества храма производили представители Центральной Комиссии по отделению церкви от государства. Договор заключался между выборной пятеркой членов приходского совета и ликвидационным отделом НКЮ ССРБ, чаще всего в лице помощника прокурора⁴.

Договор включал три основные направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь пере-

данное им "народное достояние" и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества в случае доказанности органами НКВД хищения выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же подобное происходило без злого умысла, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб. Пятерки также обязывались из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов, по ремонту, отоплению, оплате долгов и т. п. По постановлению НКВД, НКФ и НКЮ БССР от 17 марта 1924 г. № 38 "О получении возмещения убытков за сгоревшие храмы с принадлежащим им имуществом религиозных культов" все религиозные здания подлежали обязательному страхованию за счет верующих. В то же время постановление разъясняло, что верующие могут заявить о своих правах на получение страховых сумм, так как вносят страховые премии, но указанные страховые суммы ни в коем случае не подлежат выдаче группам верующих, ибо они не являются владельцами, а получают имущество здания во временное пользование, владельцем указанного имущества является государство"⁵. Данные мероприятия были направлены не только на дополнительный сбор средств для казны и постепенную самоликвидацию религиозных зданий, но и против возможности возведения новых. А так как верующие теряли и страховые взносы, и страховые премии, то сбор необходимых для строительства средств был весьма проблематичным.

Следующий стратегический момент договора был отражен в уставе православных религиозных общин: "Так как Церковь Христова аполитична, никакое вмешательство в политические дела или политическую пропаганду недопустимо ни со стороны приходских советов, ни со стороны служителей культа"⁶. На членов пятерки возлагалась обязанность принимать все меры к тому, чтобы в богослужебном помещении ни в коем случае не происходили "политические собрания враждебного типа", "раздачи или продажи книг, брошюр, посланий, направленных против Советской власти или ее отдельных представителей". За нарушение этих требований община немедленно ликвидировалась, виновные привлекались к строгой "революционной ответственности"

Между тем со второй половины 1922 г. во многих случаях власти проводили закрытие храмов без всяких предварительных переговоров с верующими, основываясь на решениях партячеек, собраний рабочих, чаще всего иного вероисповедания. Закрытие домовых церквей по стране в целом началось еще с 1919 г. Закрывались небольшие церкви в местах лишения свободы, больницах, богадельнях и т. д. В Белоруссии этот процесс активизировался после постановления АПО ЦБ КП(б)Б 10 октября 1922 г., в котором указывалось: "Считать необходимым закрыть домовые церкви", которые в связи с ликвидацией многих храмов превращались в большие приходы"⁸. Причиной для закрытия церквей в период осень – зима 1922–1923 гг. часто становилось их нахождение в одном здании с каким-либо государственным учреждением и тем более учебным. Подобные молитвенные помещения передавались в ведение советских учреждений. Так поступили и с церковью Вознесения на улице Широкой в Минске, помещение которой было отдано медфаку БГУ в феврале 1923 г.

Вялотекущее противостояние властей и церкви было прекращено 20 февраля 1923 г. постановлением Центральной Комиссии по отделению церкви от государства и школ от церкви: "Прекратить с сегодня заключение договоров с общинами. Все здания, храмы, не имеющие договоров об аренде, должны быть опечатаны". Такое решение было принято по указу из Москвы в момент особенно сильного обострения взаимоотношений между ГПУ – НКВД и руководством РПЦ с целью давления на находящегося под

стражей на Лубянке патриарха Тихона. Однако такие репрессивные методы исполнительной власти наряду с широким проведением антирелигиозной пропаганды приводили к множеству конфликтов с верующими. Местные власти, стараясь избежать недоделок, начали практически повсеместное закрытие домов культов.

Дальнейшая эскалация взаимоотношений могла привести к серьезному конфликту власти с верующими. ЦБ КП(б)Б с целью прекращения самостоятельности на местах вынуждено было 21 мая 1923 г. направить укомам письма с требованием: "При намерении начать антирелигиозную кампанию по изъятию домов культов предварительно запросить согласие ЦБ"¹⁰. Так как закрытие храмов в этот период проходило чаще всего на основании "требования рабочих масс" либо из-за недостатка помещений для "культурно-просветительской работы", то наибольшее негодование населения вызвали простой зданий опечатанными без использования или же отдача их в аренду предпринимателям-иноверцам.

Во второй половине 1923 г. отчетливо проявились противоречия в руководстве антицерковной политикой между различными ведомствами. И в ЦК РКП(б), и в ОГПУ, и в НКВД, и в НКЮ имелись свои, во многом отличающиеся друг от друга, рецепты. V (до 1922 VIII) отдел НКЮ, который должен был регулировать все административно-хозяйственные взаимоотношения государства и церкви, постепенно утрачивал возможность влиять на проведение церковной политики на местах. Его функции переходили к органам НКВД. 30 апреля 1924 г. постановлением ЦИК и СНК БССР из компетенции Наркомюста функции отдела культов передавались в ведение НКВД. В частности, им вменялось в обязанность "общее наблюдение за правильным применением декретов об отделении церкви от государства, регистрация религиозных общин и заключение с ними договоров об отдаче им в пользование молитвенных домов, разработка материалов и данных всех ведомств, имеющих отношение к культам и религиозным объединениям всех направлений"¹¹. На всесоюзном уровне такие изменения произошли в августе 1924 г. V отдел НКЮ упразднился. Всю дальнейшую политику в области религии и церкви определяли и проводили ВЦИК, НКВД и ОГПУ. ВЦИК и созданный при его председателе Секретариат по делам культов, разрабатывавший и принимавший законодательные акты, инструкции и циркуляры, выносили окончательные решения по вопросам регистрации религиозных обществ и групп, закрытию и дальнейшему использованию молитвенных зданий и культового имущества. Большое значение управлению церковной политикой придавал ЦК КП(б)Б. АПО ЦК КП(б)Б, считая проблему стратегической, стремилось взять ее под свой единоличный контроль.

Особо жестко ЦК КП(б)Б ставил вопрос о перегибах в отношении церкви осенью 1924 г. Неурожай 1923–1924 гг. приводил к массовому недовольству населения, в том числе и антирелигиозной политикой властей. Секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов в письме в парторганизации 5 сентября 1924 г. указывал, что "меры административного воздействия могут дать лишь резко отрицательный результат. Необходим решительный отказ от таких административных мер, как огульное закрытие церквей, преследование Крестных ходов и т. д."¹² Учитывая сложившуюся неблагоприятную обстановку в сельском хозяйстве Белоруссии, указания Москвы исполнялись практически безоговорочно. В период с осени 1924 г. до первой половины 1925 г. храмы почти не закрывались. В то же время отсутствие единого центра управления вопросами религии и церкви в союзном и в республиканском масштабах приводило к несогласованности действий различных ведомств. Местные профсоюзы, идя по пути антирелигиозной атаки, иногда проводили ее в уродливых формах, принимая постановления об исключении граждан из своих рядов по причине происхождения из духовного сословия или о заме-

не обычных дней отдыха другими. ЦК КП(б)Б в декабре 1924 г. вынужден был отменить планируемую Наркоматом труда и руководством профсоюзов замену с начала 1925 г. шести религиозных праздников революционными и считал необходимым временно остановить старый порядок праздников.

1925–1927 гг. внешне выглядели как годы затишья на антирелигиозном фронте, шла позиционная борьба. Но именно в этот период заметно усиливается тенденция сосредоточения всех мероприятий, связанных с практическим осуществлением церковной политики, в руках ОГПУ и НКВД. В середине 20-х годов происходит сначала едва заметная переориентация в области регулирования жизнедеятельности религиозных организаций в обществе "строящегося социализма" на меры административно-командные, направленные на максимально возможное ограничение их деятельности и полное вытеснение на периферию общественной жизни, изоляцию от основной массы трудящихся и замыкание рамками отправления богослужений, обрядов и церемоний.

Большевики в своей градации общества относили церковников к самой низкой категории, что нашло свое отражение в главном Законе Советской власти – Конституции 1918 г. В 65-й статье священники объявлялись "слугами буржуазии". Как лица, занимающиеся непроизводительным трудом, они не могли пользоваться полными гражданскими правами¹³. Священники, так же как и другие "классовые враги", полностью лишались возможности принимать участие в управлении страной: "Духовенство не избирает и не может быть избрано в Советы", – гласила все та же 65-я статья Конституции. Священники лишались возможности оказывать какое-либо минимальное воздействие на политическую жизнь страны под угрозой "вышей меры революционной законности" либо других жестоких санкций. С первых дней установления большевистской власти православное духовенство было привлечено к принудительной трудовой повинности. ВЦИК своим постановлением от 8 апреля 1920 г. внес уточнение, которое было издевательством и насмешкой не только над самими священниками, но и над всеми верующими: "Если выполнение трудовой повинности и церковного богослужения совпадало, то богослужение необходимо было перенести"¹⁴.

Духовенство подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера: их дети не могли получить образование выше начального, за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог, большие препятствия возникали при решении квартирных вопросов. И декрет "Об отделении церкви от государства и школы от церкви", и инструкция о проведении его в жизнь полностью лишали церковь всех построек, зданий монастырей, общежитий монахов и монашек и т. д. Постановлением ВЦИК от 3 января 1919 г. все культовые сооружения передавались в ведение местного совдепа и его жилотдела, который сдавал их в пользование на общем основании. Расплывчатая формулировка "на общем основании" давала местным властям поле для широкой самостоятельности. Священнослужители как "нетрудовой элемент" наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. К 1927 г. церковное имущество после многочисленных чисток и изъятий не представляло никакой ценности.

Если в 1925–1926 гг. исполкомы после проверок и разбирательств со старым приходским советом разрешали регистрацию религиозной общины с их новыми руководителями, то с лета 1927 г. под различными благовидными предлогами сроки растягивались на неопределенное время. Власти боялись открытой конфронтации с верующими. В то же время существующие церковно-приходские общины владели жалким материальным положением. Особенно обострилась ситуация в конце 1926–1927 гг., когда по стране в целом пошло массовое изъятие средств через принудительные займы,

всякого рода страховки, налоги и т. д. Неуплата положенных сумм или отказ от подписки на займ частному лицу грозили жесткими репрессивными санкциями властей, церковному приходу – ликвидацией. В 1927 г. Госстрахом был резко увеличен страховой взнос, особенно богослужебных зданий, которые облагались дополнительными налогами. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возрастало число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5 % от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили примерно вместо положенных 2 р. 30 к. по 32 р., что чрезвычайно усложняло ремонт храмов, большинство из которых последние 10–12 лет не реставрировались. Однако они не закрывались. Верующие, собственными силами производя ремонтные работы, а порой даже строя новые богослужебные здания, препятствовали их закрытию. В результате число религиозных общин в 1926–1928 гг. не только не уменьшалось, а возрастало примерно на 10 % в год.

Сложившееся положение не устраивало большевиков. Однако ужесточить административные меры в 1927 г. они еще не могли, так как действиям властей препятствовало усилившееся за годы НЭПа крестьянство. В деревнях распространялись антиправительственные листовки: "Семь лет они (большевики) у нас уже господствуют. Сколько братьев и сынов наших пошло на тот свет. Сколько уничтожено добра, сожжено строений, забрано ваших коров и лошадей"¹⁵. Справедливое возмущение народа вызывала принудительная продажа хлеба государству по очень низким фиксированным ценам. Грабеж крестьянства привел к сокращению поступления сельхозпродуктов на рынок, что способствовало росту цен и спекуляции. БССР как регион, потребляющий хлеб, оказалась в особо трудном положении: хлеба в республике в 1927 г. было заготовлено только 25 % от необходимого количества, что вызывало недовольство горожан. Наряду с распространением слухов о введении карточной системы постоянно возрастало число безработных, увеличивалось недоверие к большевикам. Население искало спасение в религии. С одной стороны, в таких условиях резкие административные меры в отношении религиозных общин могли только усугублять сложившуюся ситуацию, с другой – укрепление церковных организаций представлялось большевикам как реальная угроза их режиму. Высшее церковное управление, клир, церковно-приходские советы приспособились выживать даже в тех экстремальных условиях, которые создала Советская власть за десятилетие своего существования. В руководстве ЦК РКП(б), ВЦИКа, СНК не было единства в определении путей дальнейшего развития народного хозяйства, общественно-политического строя. Возникали разногласия и по религиозному вопросу. Оппоненты Сталина предлагали ослабить давление на церковные организации и, не прибегая к жесткой конфронтации с верующими, ослабить внутривластную обстановку. Вождь и его сторонники заявляли, что победы можно достичь только благодаря максимально возможному административному ограничению деятельности церковно-приходских советов, увеличению налогового бремени, штрафных санкций.

¹ Гидулянов В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР: Сб. Указаний и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / Под ред. П.А. Красикова. М.: Типография ГПУ, 1923. С. 26.

² Там же. С. 25.

³ См.: Алексеев В. А. Штурм небес отменяется? М., 1922. С. 25.

⁴ См.: ГА Минской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 70.

⁵ Собрание Указаний БССР за 1924. № 4. Ст. 51.

⁶ ГА Минской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 11 об.

⁸ НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 478. Л. 107.

⁹ ГА Минской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

¹⁰ НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 639. Л. 40.

¹¹ Там же. Оп. 21. Д. 42. Л. 88.

¹² Там же. Д. 5. Л. 92.

¹³ См.: Советские Конституции: Справ. М., 1963. С. 13.

¹⁴ Гидулянов В. П. Указ. пр. С. 29.

¹⁵ НА РБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 42. Л. 88.

А.Б. БАГДАНОВІЧ

ТЭНДЭНЦЫІ ЭТНАКУЛЬТУРНАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСАУ У СЯРЭДНЕВЯКОУІ

Адным з найбольш важных, а часам і вызначальных кампанентаў этнічнай самасвядомасці таго ці іншага народа ў сярэдневякоўі была рэлігійная прыналежнасць. Значную ролю ў культурным развіцці усходнеславянскіх плямён з канца X ст. адыгрывала менавіта пануючая рэлігія – хрысціянства. Пераход у новую веру быў звязаны са зменай культурных традыцый, разглядаўся ў пэўнай ступені і як змена этнічнай прыналежнасці, што ў сваю чаргу выклікала трансфармацыю светапогляду ў цэлым. Менавіта ў той час закладваліся асновы сучаснай беларускай ментальнасці.

У перыяд да Хрышчэння Русі ў 988 г. у кожнага з плямён існавалі значныя адрозненні ў звычаях і традыцыях. Паганскія вераванні плямён таксама былі вельмі разнастайнымі. Першым крокам да уніфікацыі рэлігіі усходніх славян была спроба вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаславіча стварыць адзіны пантэон паганскіх багоў. Аднак сапраўдны пералом наступіў толькі з хрысціянізацыяй Русі. Гэта падзея, безумоўна, стала адной з важнейшых у працэсе развіцця этнічнай самасвядомасці ва усходніх славян. Хрысціянства сцвярджала адзіныя нормы паводзін, садзейнічала развіццю літаратурнай мовы на усёй тэрыторыі Русі.

Прыняцце хрысціянства, распаўсюджванне пісьменнасці і фарміраванне агульнай літаратурнай мовы спрыялі пэўнай кансалідацыі усходнеславянскага насельніцтва ў сацыяльна-палітычную і культурную супольнасць.

На думку А.А. Шахматава, Ю.У. Брамлея, Б.А. Рыбакова, Д.С. Ліхачова, а таксама шэрага сучасных беларускіх вучоных¹, гэты перыяд характарызуецца фарміраваннем старажытнарускай, ці усходнеславянскай, народнасці. Існуе і іншы пункт гледжання, адпаведна якому ўжо тады этнічная дыферэнцыяцыя зайшла так даўка, што казаць аб фарміраванні агульнай народнасці не даводзіцца².

Сярод назваў плямён, якія насялялі тэрыторыю Беларусі, вылучаюцца лакальна-геаграфічныя найменні: крывічы, радзімічы, дрыгавічы. Менавіта яны узгадваюцца ў "Повести временных лет". На гэтым этапе лакальныя формы этнічнай самасвядомасці спалучаліся з фарміраваннем больш шырокіх уяўленняў аб этнічнай прасторы. Старыя родаплемянныя назвы паступова пераставалі выкарыстоўвацца, хаця ў летапісах і узгадвалася аб такіх этнасацыяльных супольнасцях, як дрыгавічы, крывічы, радзімічы, напрыклад, пад 1149, 1162, 1169 гг.

Аднак фарміраванне этнарэлігійнай супольнасці новага узроўню праходзіла няпроста. Ва умовах феадальнай сістэмы ў XII – сярэдзіне XIII ст. пад уплывам пэўных знешніх і унутраных фактараў працэс этнічнага развіцця усходнеславянскага насельніцтва ў новых дзяржаўных утварэннях набывае свае адметныя рысы. З другой паловы XIII ст. стала узмацняцца тэндэнцыя да сацыяльна-эканамічнай, палітычнай кансалідацыі беларускіх і літоўскіх зямель, якая скончылася ўтварэннем новай поліэтнічнай дзяржавы – Вялікага княства Літоўскага. Уваходжанне Беларусі ў склад ВКЛ значна паскорыла тэмпы фарміравання беларускай народнасці. У XIV–XVI ст. вызначаюцца яе адметныя рысы: моўныя, культурныя, рэлігійныя, географічныя, дзяржаўна-палітычныя, сацыяльна-эканамічныя.